

Евгения Кольцова

Мой Медвежонок

Евгения Кольцова

Мой Медвежонок

«Автор»
2026

Кольцова Е.

Мой Медвежонок / Е. Кольцова — «Автор», 2026

Одни спасают людей капельницами и точными действиями, другие — песнями, которые попадают прямо в сердце. Лиза работает в службе наркологической помощи и каждый день скрывает от мира свою хрупкость, держась на плаву лишь благодаря голосу любимого исполнителя из детства. Она знает наизусть каждую его строчку, но совершенно не готова увидеть кумира в реальности — беспомощным, сломленным и нуждающимся в ее профессиональной помощи.

© Кольцова Е., 2026
© Автор, 2026

Евгения Кольцова
Мой Медвежонок

Мой Медвежонок

Я познакомилась с Ильей, когда мне было двадцать четыре, а ему сорок три — хотя заочно знала его с пятнадцати. Сейчас мне тридцать девять, а ему пятьдесят восемь. Илья — модный певец и поэт своего поколения, я же — невзрачная толстушка.

Казалось бы, что может нас связывать? Все просто: я его палочка-выручалочка. Илья — наркоман. Только не все это знают. А мне его жаль. Потому что, дожив до этих лет, я так никому и не подарила свою любовь. Я с самого детства слушала его песни, и в тот день, когда мы впервые столкнулись в парке на чертовом колесе во время его тяжелой ломки, поняла: это мой шанс привязать его к себе хотя бы через дружбу. Я тогда подрабатывала в службе наркологической помощи — там мы по-настоящему и познакомились.

В эту службу я попала из-за брата. Нет, он не наркоман и даже не алкоголик. У него ДЦП, он прикован к инвалидной коляске. Из-за отца. Сколько себя помню, тот всегда был с бутылкой и вечно орал: «Зато я никому ничего не должен!». Как можно назвать отцом человека, который оставил без обеспечения двоих детей с инвалидностью? Только бабушка со стороны матери постоянно на него давила и выбивала для нас хоть какие-то крохи после смерти мамы.

Бабушка — тот еще персонаж. Родителей у мамы не было, она сирота. Как так произошло, никто не знает, да уже и не суждено узнать. Но бабушка твердила, что мы с братом получились такими именно из-за маминой наследственности. Она всегда и во всем искала виноватых — кроме самой себя и отца. Нет, она нас любит, но своей, бабушкиной любовью. Она человек старой закалки, времен СССР: для нее главное, чтобы ребенок был одет, обут, накормлен и в тепле. Вот и все потребности закрыты.

Мама умерла, когда мне было двадцать четыре, а моему брату двадцать один. У меня тоже есть небольшие проблемы со здоровьем — легкая форма аутизма. Почти незаметная, такая, что в свое время маме даже не оформили на меня инвалидность, однако водительские права я получить не могу. А еще у меня проблемы с памятью. Причем я легко запоминаю какие-то даты — например, могу с ходу назвать дни рождения и смерти всех вождей СССР, но при этом не помню, как зовут соседку, которая живет с нами бок о бок уже двадцать лет. Кстати, милейшая женщина. Я у нее пряталась, когда отец с мамой выясняли отношения.

Когда Кирилл родился с ДЦП, папаша и стал орать, что это «твоя гнилая наследственность из детдома», причем делал это, не выпуская бутылки. До побоев, слава богу, в семье не доходило — хватало его писклявого голоса и глухого молчания матери. Кирюха внешне в принципе не отталкивал, просто у него — забыла, как это называется, когда руки и ноги плохо гнутся и массаж надо делать постоянно, поэтому он передвигается в кресле. Он может встать, но только на несколько минут, мышцы у него слабые, как у младенца. Зато с мозгами, в отличие от меня, полный порядок.

Ссоры продолжались почти каждый день, пока однажды папаша не свалил к бабушке. Когда он ушел, мама впала в тяжелую депрессию и просто начала исчезать из моей жизни. Я сама научилась варить пельмени из картонной коробки. Придумывала себе, что мама на особо важной работе. Брала свою плюшевую обезьянку Джуди и рассказывала ей сказки — будто я взрослая, а Джуди моя дочь. Мама обычно возвращалась под утро. Алкоголем от нее не пахло. Никогда. Но пахло чем-то чужим, неприятным — чужими воспоминаниями, дымом, плохими мыслями. Она заходила ко мне в комнату, молча будила, вздыхала и уходила к себе.

Мы жили очень бедно. Мама работала провизором в аптеке, а Кириллу постоянно требовались лекарства — с каждым разом все дороже и больше. Благодаря ее работе нам худобедно удавалось их доставать: иногда почти с истекшим сроком годности, иногда — с истек-

шим буквально вчера. Но выхода не было. В это же время у мамы начался рак, правда, мы тогда еще об этом не знали. Просто она все чаще просила меня не задерживаться после школы, помочь помыть полы в аптеке или забрать Кирюшу погулять.

Своей личной жизни у меня не было. Училась я в обычной школе, мое заболевание никак не бросалось в глаза. С детства я была замкнутой, стеснялась себя, своей полноты — при росте сто семьдесят восемь я вешу девяносто килограммов, и еда вместе с музыкой всегда спасала меня от плохого настроения. Стеснялась и дурацкой стрижки «под горшок»: лишних, а точнее вообще никаких денег в семье не водилось, поэтому меня стригла все та же соседка — просто чтобы челка в глаза не лезла. Выглядела я как добрый великан со стрижкой «под горшок» и огромными голубыми глазами. Это единственное, что мне в себе нравится. Глаза достались от мамы — у Кирюхи таких нет.

Я работала с тринадцати лет: сначала у мамы в аптеке, потом курьером, разносчиком пиццы — короче, любая низкооплачиваемая работа была моей. И мне было все равно. Главное, что есть свои деньги и возможность слушать музыку. Я любила ходить, мечтать, смотреть в окна, разглядывать свое отражение в витринах и думать о другой жизни. Особенно под песни Ильи. Он пел какие-то особенные песни — прямо для меня. Самой любимой была «Мой Медвежонок». У меня никогда не было ласковых прозвищ. Меня звали только по имени. Или по фамилии. И ни то, ни другое во мне никак не откликалось.

Надо сказать пару слов о моем брате. Он чертовски умный человек. И очень сильно обижен на весь мир за то, что вынужден сидеть в инвалидной коляске. Он мало кого к себе подпускает, даже со мной у него бывают разногласия, но так как я мало что запоминаю, а выбора у него нет, он просто поворчит, как старая бабка, и успокоится. Я не принимаю это близко к сердцу. Мне его жалко — жаль, что такие мозги заперты в таком теле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.